

А. ОЗОРНИНА

#ШКОЛЬНОПРИКОЛЬНО

ПИЛЮЛЯ

НА ПАЛОЧКЕ
ЗАПИСКИ ВЫСОКОЙ
ДЕВОЧКИ

Алла Георгиевна Озорнина
Пилюля на палочке.
Записки высокой девочки
Серия «#школьноприкольно»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67077076

Озорнина, Алла Георгиевна. Пилюля на палочке. Записки высокой девочки: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-133760-5

Аннотация

Алла Озорнина – известная писательница, автор художественных и научно-популярных произведений для детей. Её книги – это не только увлекательные и весёлые истории, но и разговор с читателем о важных вещах: о чувстве собственного достоинства, об отношениях с родителями, об умении общаться и дружить.

Пилюля на палочке – это прозвище пятиклассницы Зины. Девочка мечтает изменить в себе всё! Внешность, почерк, имя, а самое главное – рост – причину всех её страданий! Однажды Зина оказывается в больнице и именно там понимает, что быть Пилюлей на палочке – не так уж плохо, а даже – оригинально. А для настоящей дружбы совсем неважно, какого ты роста и умеешь ли кататься на коньках.

Рисунки Екатерины Муратовой.
Для младшего школьного возраста.

Содержание

Моя самая большая беда	6
Ужас, летящий в ночи	13
Как курица лапой	16
Улитка, сидящая в гнезде	21
Ограбление века	23
Как каракули становятся буквами	27
Час расплаты настал	30
Самый жуткий урок	34
Чёрные дни недели	37
Эта длинная мохнатая гусеница	41
Ничего ты не можешь, Смирнова!	45
Звезда конькобежная	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алла Озорнина
Пилюля на палочке.
Записки высокой девочки

© Озорнина А. Г., 2022

© Муратова Е. Л., ил., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Моя самая большая беда

Мне не повезло с первых дней жизни. Во-первых, я родилась ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге, ни даже в Новосибирске, а в небольшом городке недалеко от границы с Китаем. Здесь, конечно, тоже неплохо, только вот метро у нас нет и Красная площадь далековата. Да ещё зима холодная и длинная, а лето хоть и жаркое, но короткое. И фрукты у нас не растут, их в основном из Китая привозят, да ещё с нитратами.

Но дело даже не в том, что у нас нет метро и Красная площадь далековата. Дело в том, что... Впрочем, об этом чуть позже.

Мне не повезло с первых дней жизни ещё и потому (и это во-вторых), что родители назвали меня самым дурацким именем на свете. Ни Алиной, ни Ариной, ни Дашей и ни Машей, а... Зинаидой! Это имя мне напоминает длинную зелёную гусеницу, покрытую чуть заметным пушком. Но роди-

тели считают, что прекраснее этого имени нет.

– Ты только вслушайся! – говорит папа. – Зинаида! Как будто среди скал весело бежит горный ручеёк!

– Нет, всё-таки оно больше похоже на весеннюю капель, – говорит мама.

– Как хорошо, что мы не назвали тебя ни Алиной, ни Ариной, ни Дашей и ни Машей! – говорит папа.

– Потому что такими именами называют теперь почти всех девочек! – говорит мама.

– А у тебя, можно сказать, эксклюзивный вариант! Да ты вообще у нас эксклюзивный ребёнок! – говорит папа.

Когда папа говорит о том, что я – эксклюзивный ребёнок, он вовсе не имеет в виду какие-то особые умственные или творческие способности. Под эксклюзивностью папа понимает мой... высокий рост. И это третья (и, конечно же, главная!) причина того, что я считаю страшным невезением в жизни. Вы только представьте – я выше даже самых высоких мальчиков в классе! Поэтому я терпеть не могу выходить на какие-нибудь мероприятия с нашим 5 «А». Когда я иду с классом по улице, то чувствую себя Эйфелевой башней.

А потому стараюсь держаться от всех в сторонке. Ведь высокий рост – моя самая большая беда.

Папа говорит:

– Да что ты переживаешь, Зинаида! Ведь только высоких берут на конкурс красоты! Малявки-то там не нужны!

Конкурс красоты! Какой уж там конкурс! Зубы у меня

редкие, а рыжая косичка такая тонкая, что напоминает мышиный хвостик!

Да и вообще участие в подобных конкурсах мне строго противопоказано: в любой момент я могу споткнуться и упасть на ровном месте. Такое со мной бывает.

Единственное, чем я могу гордиться, так это своей спиной. И это благодаря родителям.

Одно время для того, чтобы казаться ниже, я стала сутулиться и подгибать ноги при ходьбе. Передвигаться с согнутыми коленями и согнутой спиной, конечно, не очень удобно, но зато я стала на полтора (а то и на два!) сантиметра ниже.

– В чём дело, Зинаида! – возмутилась мама. – Почему ты ходишь скрюченная, как столетняя бабка! С сегодняшнего дня будешь по двадцать минут ходить с томом Большой Советской Энциклопедии на голове!

– С тремя томами, – загудел папа. – Чтоб спина была прямая и ровная, как стол!

И я ходила.

Зато теперь мама говорит:

– Я горжусь тобой, Зинаида! Ведь у тебя такая прямая спина, что на ней даже можно гладить бельё.

Прямая спина – это, конечно, здорово, но ведь опять же я стала на полтора (а то и на два) сантиметра выше!

Высокий рост – моя самая большая беда.

Ну вот представьте себе звонок на перемену. Девчонки гурьбой выбегают в коридор, собираются в кружок и шушукуются, и весело смеются... А я стою у окна и делаю вид, что мне всё это абсолютно неинтересно. А ведь так хочется по-

дойти! Влиться в их компанию... Но я боюсь. Вдруг не примут. Скажут: «Иди отсюда, Зина, ты такая высокая!»

Вы, конечно, спросите, есть ли у меня друзья. Конечно же, есть. Это – книги. И Интернет! Вот уж верный товарищ, готовый выручить и днём и ночью!

А ещё у меня есть два друга, о которых не знает никто. Даже родители. Это листок бумаги и карандаш. Когда я рисую, то забываю обо всём на свете. Даже о том, что я выше всех в классе.

Вы, конечно, спросите: почему же такая таинственность? Потому что мне кажется, что у меня не рисунки, а жуткая жуть. Ведь показать-то их мне некому – нет в нашей школе уроков рисования, потому что нет учителя по этому предмету. Вот почему я не хочу, чтоб о моём увлечении узнали родители. Ведь они могут запретить мне покупать бумагу для черчения. Зачем тратить деньги, если в итоге получается самый настоящий кошмар!

...Папа говорит:

– Как тебе повезло, Зинаида! Ты можешь стать великой баскетболисткой!

Но я не хочу быть великой баскетболисткой. И даже просто баскетболисткой. Я хочу быть девочкой среднего роста.

Теперь вам понятно, почему мне хотелось бы жить в большом городе? В Москве, Санкт-Петербурге или хотя бы в Новосибирске? Да потому что там людей много! И высоких – тоже! И я бы шла по улице гордо подняв голову, с такой пря-

мой спиной, что на ней можно гладить бельё! И уж тогда бы я точно не чувствовала себя Эйфелевой башней!

Ужас, летящий в ночи

Классная работа
1. Сочинение

Сочинение
на тему
"Люди и животные"
Вчера я видел
в зоопарке
интересного
животного

Сочинение
на тему
"Люди и животные"
Вчера я видел
в зоопарке
интересного
животного

Как курица лапой

Как курица лапой

– Нет, это не укладывается ни в какие рамки! – сказала Изольда Романовна. – Смирнова, подойди ко мне! Встань рядом! Та-ак... А теперь прочитай, что здесь написано!

Я вышла к доске. Изольда Романовна протянула мне тетрадь.

– Площадь! – бодро отрапортовала я, глядя на свои кара-

кули.

– А это?

– А это... столб. Кажется...

– Вот то-то же, кажется! А мне кажется, что это – кровать.

– А может, это магазин? – подал свой голос Стрельцов-Удальцов.

– Помолчи, Стрельцов! В общем, Смирнова, у тебя не почерк даже, а...

– Ужас, летящий в ночи! – подхватил Стрельцов-Удальцов.

– Садись, Смирнова!

Я двинулась к своей парте и не сразу увидела подножку Стрельцова-Удальцова, а когда увидела, было уже поздно: сохранить равновесие мне не удалось. Я не просто упала, а грохнулась на пол под хохот всего класса. Со стороны, возможно, это было очень смешно, только вот мне было не до смеха.

– Смотреть надо под ноги, Смирнова! – веселился Стрельцов-Удальцов. – Раззява!

– Ну, Зинка, ты как всегда! – пропищала Сыромятникова.

– В своём репертуаре! – поддержала её Жеребцова.

– Послушай, а без подножек нельзя? – возмутился Дондиков.

– Ой, да и без подножки было бы то же самое! – ответил Стрельцов-Удальцов.

Что правда, то правда. Я и на ровном месте могу растя-

нуться. И всё-таки слова Стрельцова-Удальцова разозлили меня. Достал уже со своими подножками и приколами. Вско-чив, я схватила с чьей-то парты учебник и изо всех сил треснула его по голове.

– Успокойся, Смирнова! – приказала Изольда Романовна. – Никто не виноват в том, что пишешь ты как курица лапой. Да сядь, что стоишь как...

Соревнование

– Телевышка! – выкрикнул Стрельцов-Удальцов.

– Всё! – совсем уже рассердилась Изольда Романовна. –

Посмеялись и хватит.

Под стихающий хохот одноклассников я плюхнулась на стул.

– Увы, почерк исправить практически невозможно, – продолжала учительница. – Тут уж ничего не поделаешь. А вот почерк Иры Ильиной – это чудо!

И она ласково улыбнулась Ирке.

«Чудо, – подумала я, садясь за парту, – просто Ирка родилась с таким почерком – вот тебе и чудо!»

Улитка, сидящая в гнезде

Расстраиваться из-за того, что Изольда Романовна назвала мой почерк каракулями, я не стала. Ещё чего не хватало! А вот дурацкая реплика Стрельцова-Удальцова про «ужас, летящий в ночи» вывела меня из себя. Так же как и то, что в пример опять поставили Ирку Ильину! Везде эта Ирка! Не много ли для одного человека: и красавица, и умница, и почерк у неё самый-самый...

– Итак, последнее сочинение показало, что все вы неплохо разбираетесь в теме, – продолжала Изольда Романовна. – Меня порадовали работы Сыромятниковой и, разумеется, Иры Ильиной. Работа Смирновой тоже была бы неплохой, если бы не одно «но», о котором я уже говорила...

Я написала на листке «Ужас, летящий в ночи» и... о ужас-ужас! Получилось «Улитка, сидящая в гнезде». Выходит у меня в самом деле безобразный почерк! А я ведь и не задумывалась об этом. Почерк да и почерк. А оказывается, это «ужас, летящий в ночи».

Что же делать? Изольда Романовна только что сказала, что почерк исправить практически невозможно. А вот родители говорят: человек может добиться всего, чего захочет. Кому верить?

– Тема сегодняшнего урока... – продолжала Изольда Романовна, но я её уже не слушала. Мой мозг был занят дру-

гим. Нужно было решить – оставить свой почерк каким есть, или же научиться писать так же, как Ирка, а может, ещё лучше. Назло Стрельцову-Удальцову. Пусть только попробует тогда сказать, что мой почерк – это ужас, летящий в ночи!

– Смирнова, перестань витать в облаках! – сердилась Изольда Романовна. – Спустись на землю!

Я не витала. Я принимала решение. А приняв, задумалась, как воплотить это в жизнь. И перед самым звонком мне вдруг пришла в голову мысль, по дерзости сопоставимая разве что с ограблением банка. У меня похолодели руки и ноги: смогу ли я это сделать? Причём, немедленно! Но, похоже, выбора не было.

Ограбление века

Прозвенел звонок на перемену. Все ринулись в столовую. Кроме меня, разумеется. Я пересекла класс и на всякий случай выглянула за дверь. Никого из наших поблизости не было. Я подлетела к Иркиной парте и стала судорожно открывать её рюкзак, но он почему-то не открывался.

Сердце билось часто и гулко. И почему-то возле самого уха. Я уже собралась отказаться от своей затеи, как в этот момент рюкзак открылся, я выхватила стопку Иркиных тетрадей, вырвала из первой попавшейся листок и стала заталкивать тетради обратно. Руки дрожали. Тетради... не заталкивались! Прозвенел звонок, теперь уже на урок, а я никак не могла вернуть тетради на место! Наконец, это удалось; я рванула к своей парте и без сил упала на стул. И вовремя, потому что в этот момент распахнулась дверь и в класс влетели Ирка Ильина, Стрельцов-Удальцов, Жеребцова и Сыромятникова, а потом и все остальные.

Я представила, что было бы, если бы я замешкалась хотя бы на три секунды, и на лбу выступил холодный пот. Ведь Ирка бы стала орать, как резаный индюк, на крик прибежала бы наша классная – Изольда Романовна – и, узнав, что я своровала у Ирки листок, повела бы меня к директору. А он бы сказал:

– Ну что, Смирнова, придётся тебе попрощаться с нашей школой. Таким, как ты, у нас не место! Нет-нет, пока не уходи!

Он вызвал бы телевизионную бригаду и обо мне бы сняли

видеосюжет – сначала для новостной программы местного, потом, может, и центрального телевидения. Журналист попросил бы меня показать, как это происходило, и вся страна бы узнала, что когда 5 «А» помчался в столовую, одна из учениц, Зинаида Смирнова, подбежала к рюкзаку своей одноклассницы и... вырвала листок из её тетради! Потом, как это бывает в подобных сюжетах, ситуацию попросили бы прокомментировать всех: Изольду Романовну, директора школы, кого-нибудь из наших, ну, тех же Ирку Ильину, Стрельцова-Удальцова, и... родителей. Родители, конечно, сказали бы, что их дочь всегда была очень хорошей девочкой и что до этого случая никогда не вырывала листы из чужих тетрадей.

Я уже сто раз пожалела, что решила исправить почерк. Конечно, было бы здорово доказать Стрельцову-Удальцову, что я не хуже Ирки, а так... кому нужен во взрослой жизни этот почерк? Кто из нас после школы будет выводить буквы ручкой? Куда важнее научиться печатать на компьютере всеми десятью пальцами. А почерк...

«Ну вот, – думала я, возвращаясь домой, – жила себе спокойно и жила. А теперь создала себе проблему. Ведь Ирка всё равно увидит, что в тетради не хватает листка, начнёт расследовать, кто это сделал, и вычислит меня. Получается, что расплата неизбежна! И позор неминуем! О-о-х!!!»

От этих мыслей ноги вдруг стали такими тяжёлыми, что я едва добрела до подъезда. А возле подъезда подумала, что уж если расплата и впрямь неизбежна, то тем более стоит на-

учиться красиво писать. Тогда хоть страдать будет необходимо.

Но, прежде чем начать исправлять почерк, я решила побольше узнать о нём в Интернете. Оказалось, что по нему можно определить характер и склонности человека. Так вот: Иркин почерк говорил о том, что его обладатель – образец пунктуальности, обязательности, честности, искренности и твёрдости характера. А мой... Я ужаснулась: показатель расхлябанности, лживости, отсутствия воли. Да если бы только это! Как выяснилось, человек с таким почерком часто совершает противоправные действия. И ведь, судя по сегодняшнему дню, это так! Ведь я продемонстрировала и лживость, и противоправные действия! К счастью, об этом никто не знает. Пока...

Выходит, я правильно сделала, что вырвала Иркин листок, иначе мой почерк точно довёл бы меня до беды!

Как каракули становятся буквами

Дома я достала злополучный листок и посмотрела на Иркину букву «О». Она была ровная, гладкая и аппетитная, как... бублик. Но разве сложно написать точно так же? Оказалось, что сложно: как я ни старалась, «О» у меня получалась похожей на сдувшееся колесо, по краям объеденное крысой. То же самое выходило и с другими буквами. Стало ясно: работы предстоит немерено.

С этого дня жизнь моя круто изменилась. Я приходила домой и, быстро сделав уроки, бралась за исправление почерка: обводила в Иркиной тетради какую-нибудь букву и пыталась вывести такую же в тренировочной тетради. Получались не буквы, а настоящие каракули.

Наверное, Изольда Романовна права, думала я, и мне никогда не научиться писать так же красиво, как Ирка. В отчаянии я отбрасывала в сторону тетради и начинала рисовать – портреты одноклассников давались куда проще, чем эти дурацкие буквы!

– Бедный ребёнок! – иногда доносился из кухни мамин голос. – Сколько же им задают! Уроки делает до самой ночи! А ведь это ещё только пятый класс!

Время от времени в комнату заглядывал папа и гудел:

– И всё-таки, Зинаида, тебе необходимо заняться спортом! Ну что тебе мешает записаться в баскетбольную секцию? Уверяю: тогда и соображать будешь лучше, и уроки делать быстрее!

Прошла неделя, вторая... И вдруг на третьей вместо какой-то каракули у меня получилась буква! Почти – буква.

К концу третьей недели слова в моей «тренировочной»

тетради напоминали разбредшееся стадо овец. Часть букв стояли на линии прямо и чётко, а другие, которые ещё оставались каракулями, сбивались с пути, заваливались на бок, а то и вовсе норовили выпрыгнуть за пределы тетрадного листа. С ними ещё предстояло поработать. Зато как приятно стало выводить букву «О», которая так же, как у Ирки, напоминала теперь аппетитный бублик, а буква «Ш» была похожа на ровный, ладно сколоченный забор из штакетника.

С каждым днём каракулей, которые мне предстояло подтянуть до гордого звания «буква», становилось всё меньше. А на душе становилось всё тревожней. Наверное, изменение почерка стало отражаться на моём характере. Видимо, склонность к противоправным действиям постепенно исчезала, и теперь не давала покоя пробудившаяся совесть. Я стала чувствовать себя... воровкой. Причём, воровкой в квадрате – ведь я украла не только листок, но и почерк!

Час расплаты настал

По ночам мне стала сниться... Ирка Ильина!

Первый раз она пришла ко мне во сне со среды на четверг. Она бежала за мной по пустынным улицам нашего города и кричала страшным голосом: «Отдай мой листок! Отдай! Отдай!» А когда я проносилась мимо нашей школы, то краем глаза увидела Стрельцова-Удальцова. Он стоял под фонарём и... хохотал!

В следующий раз Ирка пришла ко мне в ночь с четверга на пятницу. Она заперла меня в ванной и кричала страшным голосом: «Отдай мой листок. Отдай, а то хуже будет! В туалете запру!»

А из моей комнаты доносился громкий смех Стрельцова-Удальцова.

В следующий раз Ирка пришла ко мне в ночь с воскресенья на понедельник. Теперь мы были на кладбище. Надгробные плиты тускло освещались луной. Я перебегала от одной плиты к другой, но каждый раз Ирка оказывалась рядом. По всему кладбищу разносился её зловеший шёпот: «Отдай мой листок! Отдай, а то хуже будет!» А за дальней могильной плитой едва различался силуэт Стрельцова-Удальцова...

Я проснулась и поняла, что ничего хорошего этот день мне не принесёт. Ирка наверняка догадалась, что это я вырвала из её тетради листок, и теперь только и ждёт удобного

случая, чтобы всем об этом рассказать.

Бедные родители! Представляю их лица, когда к ним придёт корреспондент центрального телевидения, чтобы выяснить, не было ли у меня прежде склонности к воровству...

Прошёл первый, второй, третий урок. А на четвёртом уроке...

Изольда Романовна сказала:

– Дети, случилось чудо! У Смирновой изменился почерк! Внутри у меня всё похолодело. Час расплаты настал!

– Как видите, я ошибалась, когда говорила, что почерк изменить практически невозможно, – продолжала Изольда Романовна. – Но оказывается, если у человека сильная воля, возможно всё. Я попрошу тебя, Зинаида, – расскажи, как тебе удалось научиться так красиво писать. Ну... Смирнова, мы ждём!

Я встала. Ноги сделались ватными. Во рту пересохло.

– Расскажи, как тебе удалось исправить почерк? – ласково повторила Изольда Романовна.

– Ну что... Обводила буквы, написанные красивым почерком, и пыталась написать так же, – хрипло сказала я. И замолчала. Мне нужно было собраться с духом, чтобы рассказать всему классу и, главное, Ирке, как всё было на самом деле. Как я вытаскивала из её рюкзака тетради, как вырывала листок, как не могла затолкать тетради обратно...

– Садись, Зинаида, – сказала Изольда Романовна. – Как видите, не зря говорится: терпенье и труд – всё перетрут.

Я опустила на своё место и посмотрела на Ирку. Сейчас обернётся и... Но она не оглянулась.

Прозвенел звонок. Я подошла к Ирке, чтобы признаться в своём чудовищном преступлении. Прямо сейчас. А там... будь что будет. Захочет – пусть сообщит директору. Имеет право. Он, конечно же, вызовет телевизионщиков, обо мне снимут сюжет, и о моём поступке узнает вся страна. Ну что тут скажешь: заслужила!

– Ир, ну мы идём или нет? – крикнул стоящий в дверях Стрельцов-Удальцов.

– Подожди, Стрелец, Зине что-то от меня надо, – ответила Ирка. – Постой в коридоре. Ну? – Дверь за Стрельцовым-Удальцовым закрылась. – Зин, что-то случилось?

– Да нет... Просто так получилось, – проямлила я, но потом подумала, что я не должна мямлить. Я должна взять себя в руки и рассказать всё как есть.

И я начала рассказ. Ирка слушала меня очень внимательно. Несколько раз в класс пытался войти Стрельцов-Удальцов, и каждый раз Ирка просила его подождать её в коридоре.

А я всё говорила и говорила.

Сначала в глазах у Ирки была тревога. Потом – удивление. Потом – изумление. Потом – восхищение.

А когда Ирка узнала всё-всё-всё, то рассмеялась, а потом сказала:

– Ну ты даёшь, Зинка! Надо же, какая упорная! Мне бы

такую волю! Только вот... зачем было вырывать листок? Попросила бы, я б тебе кучу старых тетрадей принесла. Жалко, что ли?

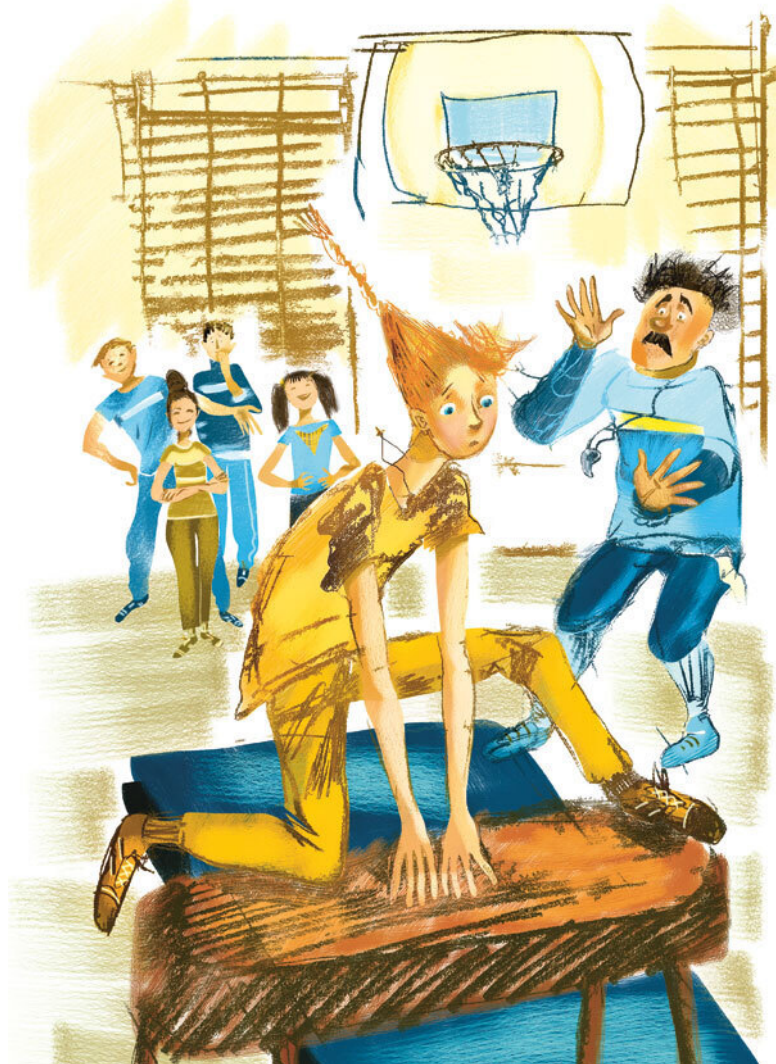

Самый жуткий урок

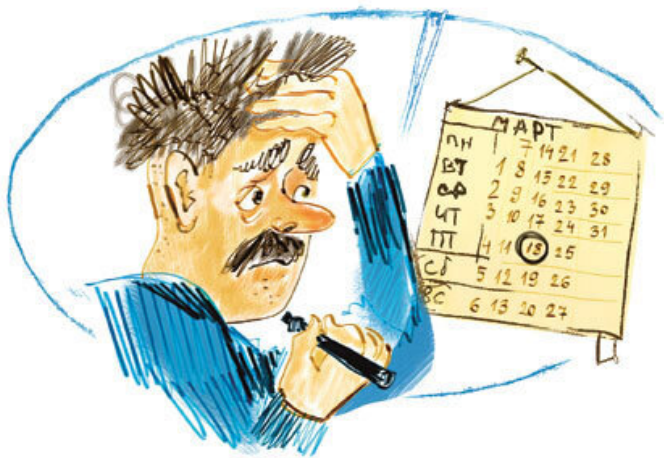

САМЫЙ ЖУТКИЙ УРОК

Чёрные дни недели

Чёрные дни недели

– Смотрю я на тебя, Зинаида, и тихо радуюсь. Всё-таки ты – эксклюзивный ребёнок! Ну кто ещё из вашего класса может стать великой баскетболисткой? Разумеется, только ты! Ну не эта же коротышка – Ирка Ильина! – чуть ли не каждый день говорит папа.

Ирка Ильина... Как бы я хотела быть такой же коротышкой, как Ирка, которая никогда не станет звездой баскетбо-

ла!

Задев меня за самое больное, папа продолжает:

– Спорт, Зинаида, тебе просто необходим! Ведь тогда ты будешь не только эксклюзивным, но и гармоничным ребёнком! Потому что... Ну ты и сама знаешь, почему.

Конечно, знаю! Ведь и дня не проходит, чтобы я что-нибудь не уронила, обо что-нибудь не запнулась и что-нибудь не пролила.

– Ты только подумай, Зинаида, у тебя появится координация движений! Как у всех нормальных людей! – продолжает папа. – Поэтому прошу тебя, Зинаида, завтра же запишись в баскетбольную секцию!

Про баскетбольную секцию папа говорит уже четвёртый год, но какая там секция, когда от слов «урок физкультуры» я покрываюсь холодным потом и ноги становятся как будто бы чугунными. А те дни, когда в моём дневнике написано «физ-ра», я обвожу в календаре чёрным фломастером.

Одно успокаивает: я давно заметила, что уроки физ-ры в нашем классе самые-самые ужасные не только для меня, но и для нашего физрука Павла Фёдоровича. Уточню: уроки физкультуры именно в нашем классе. Не удивлюсь, если узнаю, что эти дни он тоже обводит в календаре чёрным цветом. Потому что он жутко боится, как бы я не сломала гимнастические снаряды или сама не получила увечье. Ведь на самом деле – координации движений у меня нет совершенно. Почему? Ответ на этот вопрос я нашла в Интернете:

недоразвитость мозжечка. Но от того, что я это знаю, мне ни капельки не легче. Не буду же я всем объяснять, что у меня проблемы с мозжечком!

Да, уроки физкультуры для меня самая большая беда (кроме высокого роста, конечно).

От одного вида гимнастического коня, козла, бревна, брусьев я впадаю в ступор. Ну, в такое состояние, когда ты не можешь ни шевелиться, ни думать. А если приходится ещё и прыгать через этих ужасных коня или козла, меня начинает трясти мелкой дрожью. Наверное, физрука тоже. Потому что когда наступает моя очередь, его лицо покрывается бурыми пятнами, он начинает махать руками и срывающимся голосом кричать:

– Смирнова, мобилизуйся! Бери пример с Иры Ильиной – она всё делает точно, аккуратно, без суеты!

Опять эта Ирка Ильина! Да ей-то что не делать всё точно, аккуратно, без суеты – ведь мозжечок у неё работает превосходно! Посмотрела бы я, как бы она прыгала, имей такие же проблемы с мозжечком, как у меня!

– Ну что ты стоишь, Смирнова! – кричит Павел Фёдорович. – Не задерживай остальных!

Он так громко кричит, что я боюсь, как бы из-за меня он не сорвал голос.

Я стискиваю зубы, собираю все силы, разбегаюсь, выставляю вперёд руки, чтобы упереться в спину коня, но они почему-то пролетают дальше, чем положено (говорю же, про-

блемы с мозжечком), и я с грохотом падаю на маты.

Ко мне подбегает побледневший Павел Фёдорович и опять кричит:

– Ну, как всегда! Ты, Смирнова, когда-нибудь совсем меня с ума сведёшь! Ну почему другие могут без проблем сделать упражнение, а ты – нет!

Почему, почему! Да потому что у меня проблемы с координацией движений! Из-за недоразвитости мозжечка.

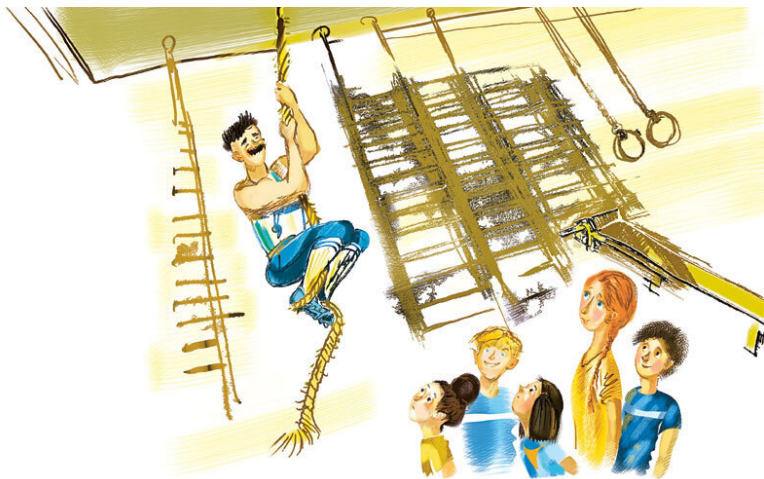
Взволнованный Павел Фёдорович быстро ощупывает мои руки, ноги и голову.

– Похоже, ничего не сломала. Обошлось. – Он облегчённо вздыхает. – Вставай, Смирнова. Да, можешь присесть на лавочку, прийти в себя. Отдыхай...

И вытирает пот со лба.

Эта длинная мохнатая гусеница

То, что на сегодняшнем уроке не будет ни коня, ни козла, ни брусьев, ни перекладины – всего, что заставляет нервничать Павла Фёдоровича при моём к ним приближении (а уж что говорить обо мне!), я поняла сразу. Физрук был спокоен как никогда. И даже несколько раз улыбнулся мне. Впрочем, возможно, мне это показалось.

Потом он сказал:

– Сегодня будем учиться лазать по канату.

Канат казался похожим на длинную мохнатую гусеницу (ну прямо как я представляю своё имя Зинаида).

Павел Фёдорович подошёл к этой гусенице, обхватил её руками и пополз вверх.

Я поняла, что канат – это то, что мне нужно. Он безопасен. И я сразу в него влюбилась. Ведь ясно же, что мы друг другу не принесём никаких неприятностей.

И влюбилась вдвойне, глядя, как легко Павел Фёдорович достиг потолка. Я поняла, что научиться этому – раз плюнуть. Это тебе не прыжки через ужасных козлов или коней.

Павел Фёдорович спустился на пол и сказал:

– Техника такая: плотно обхватываем канат руками и ногами, отталкиваемся, захватываем руками канат чуть выше, отталкиваемся ногами и подтягиваемся руками. Вот так.

И он ещё раз, только медленнее, показал, как это делается.

Можно было и не показывать – ведь это на самом деле так просто!

– Так, с кого начнём? – спросил Павел Фёдорович, быстро пробежав глазами по всем нам. – Сыромятникова, вперёд!

Сыромятникова уцепилась руками в канат и замерла.

– Ну-ну, подтягивайся, теперь отталкивайся ногами, – приказал Павел Фёдорович, – ну, ну, давай!

И Сыромятникова стала медленно двигаться вверх.

– Вот-вот, молодец! – подбадривал её Павел Фёдорович. – Осталось совсем немного!

Мне даже немного обидно стало за то, что физрук вызвал

Сыромятникову. А та ползёт по этому канату еле-еле, да ещё и останавливается. Вот если бы сейчас на её месте была я... Ну правда, что тут сложного: подтянулся, оттолкнулся, ещё раз подтянулся... И никакой особой координации не надо.

– Молодец, Сыромятникова! Теперь... так...

Павел Фёдорович ещё раз обвёл глазами класс. Я замерла – мне просто не терпелось показать всем, на что я способна!

Но физрук вызвал Жеребцову. Потом Дондокова. Потом Стрельцова-Удальцова...

Я уже потеряла всякую надежду, когда Павел Фёдорович сказал:

– Смирнова, вперёд!

Я поняла: мой звёздный час настал!

– Давай-ка, Смирнова, покажи супер-класс! – продолжал физрук, как будто читая мои мысли.

Раздался короткий смешок – разумеется, Стрельцова-Удальцова. Я вскочила со скамейки, бросила в его сторону презрительный взгляд, уверенно подошла к канату, ухватилась за него руками и...

Ничего ты не можешь, Смирнова!

И беспомощно повисла на нём. Почему?

В голове проигрывались все такие простые движения, которые только что показал Павел Фёдорович: ухватиться руками, оттолкнуться ногами, подтянуться, снова ухватиться руками, оттолкнуться ногами...

Но у меня не получалось даже подтянуться!

Я не могла понять почему? Ведь все, кроме Сыромятниковой – кто быстрее, кто медленнее, но легко взобрались по этой гусенице до потолка с первого раза. Но почему не получается у меня?

– Сосиска недоваренная! – крикнул Стрельцов-Удальцов.

– Прекратить обзывательства! – приказал Павел Фёдорович и подошёл ко мне. – Подтягивайся, Смирнова, –скомандовал он и подтолкнул меня вверх. – Давай-давай! Ну что ты даже подтянуться не можешь! В тебе что, сто килограммов веса?

– Сто двадцать! – прокричал Стрельцов-Удальцов.

– Да хватит тебе! – это голос Дондокова. – Что ты к ней прицепился?

– Ногами упирайся сильнее!

В зале раздался смешок. Потом – ещё и ещё, и, наконец, отдельные смешки превратились в громкий хохот.

Павел Фёдорович бегал вокруг каната и безуспешно под-

талкивал меня вверх, у него уже заблестел лоб от пота, а у меня футболка прилипла к спине.

– Ну, ещё немного и... Теперь руками подтягивайся, ну!

Прозвенел звонок на перемену.

– Вставай в строй, Смирнова, – сердито сказал Павел Фёдорович. Но я продолжала висеть на этой длинной гусенице – руки как будто свело судорогой. Физрук разжал мои пальцы и повторил:

– В строй, Смирнова!

Я с трудом отошла от каната. Ноги дрожали. Ладони горели. Одно радовало: самый жуткий в мире урок подошёл к концу.

Но меня ждал очередной удар.

Звезда конькобежная

– А теперь внимательно слушаем! – продолжал Павел Фёдорович, когда весь класс вытянулся перед ним в линейку. – Завтра, в воскресенье, будет внеплановое занятие... – При этом он остановил взгляд на мне, и я почувствовала, как холодеют руки. – Мы будем заниматься на катке. В два часа дня собираемся на стадионе «Труд»...

– Ура! – закричали все.

Все, кроме меня.

Оказывается, есть вещи куда страшнее всяких там гимнастических козлов, коней и канатов.

А Павел Фёдорович продолжал:

– Поднимите руки, у кого коньков нет.

Руку подняла я одна.

– Неудивительно, – сказал Павел Фёдорович. – Тогда, Смирнова, возмёшь коньки напрокат. На катке. Всем переодеваться, Смирнова – ко мне.

Я подошла к физруку.

– Кататься ты, разумеется, не умеешь...

Я кивнула.

– Ну что ж, Смирнова, – сказал Павел Фёдорович. – Тогда сделаем так. Ты приходишь домой, включаешь ютуб и находишь ролики на тему: «Как научиться держаться на льду». И делаешь все упражнения, которые можно сделать в домашних условиях перед первым выходом на каток. Всё ясно?

Я только кивнула в ответ. При одном воспоминании о гладкой, блестящей на солнце ледовой поверхности у меня так пересохло во рту, что я даже говорить не могла. Но в следующий момент в голове родилась спасительная мысль: купить по дороге капусту, пожарить её с огромным количеством подсолнечного масла, слопать всю без хлеба и запить тремя стаканами холодной воды. Тогда бессонная ночь обеспечена, а значит, обеспечено и оправдание, почему я не пришла на каток.

– Всё, свободна, Смирнова, до завтра.

Но не успела я сделать и шагу, как Павел Фёдорович сказал:

– Стой, Смирнова! Я вот тут подумал... Дело не в каком-то несовершенстве твоего тела, дело в другом. Руки-ноги у тебя что надо. Но есть психологические проблемы, понимаешь? Ты боишься. Как только пройдёт страх, ты легко освоишь и коня, и козла, и коньки. Поразмышляй над этим. А теперь – свободна.

На негнущихся ногах я двинулась к раздевалке и чуть было не столкнулась лоб в лоб с вылетевшим откуда-то Стрель-

цовым-Удальцовым.

– Как только ты справишься с психологическими проблемами... – передразнил он физрука и засмеялся демоническим смехом.

– Придурок! – крикнула я вслед и пошла переодеваться.

В помещении никого не было – пока я разговаривала с Павлом Фёдоровичем, все разошлись.

Снимая мокрую футболку, я мысленно перенеслась в завтрашний день. Звучит весёлая громкая музыка. По периметру катка мчатся мужчины и женщины, мальчишки и девчонки. Я же в самом центре выделяю сложнейшие пируэты. Конечно, этого не заметить нельзя. И вот в моём воображении какой-то человек, остановившись в сторонке, не сводит с меня восхищённого взгляда. К нему присоединяется второй. Потом третий. Потом – четвёртый. И вот – вокруг меня образовывается целая толпа восхищённых зрителей.

– Просто потрясающе! – доносится до меня.

– Какая чёткая координация движений!

– Очень талантливая девчонка!

– Не то слово! Говорят, она впервые встала на коньки...

– А как же так быстро научилась кататься?

– Представьте себе, по ютубу. Причём, за один вечер!

Как бы мне хотелось, чтобы всё это было на самом деле!

Но теперь, после того как я мысленно покорила каток и всех катающихся, страх прошёл. Теперь сверкающий на солнце лёд манил меня. Я чувствовала себя лёгкой, стремительно

летящей по нему навстречу ветру!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.